

Librarium

ГOTФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ
ЛЕЙБНИЦ
МОНАДОЛОГИЯ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 122/129

ББК 87.3

Л42

Перевод с французского В. П. Преображенского,

Ю. П. Бартнева

Вступительная статья А. В. Маркова

Лейбниц, Готфрид Вильгельм

Л42 Монадология / Г. В. Лейбниц ; [пер. с фр. В. П. Преображенского, Ю. П. Бартнева; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 200 с. — (Librarium).

ISBN 978-5-519-64079-4

Готфрид Вильгельм Лейбниц — великий философ и систематизатор научного знания, поставивший вопрос о сложной связи познания, интуиции и воли. Лейбниц доказал важность проницательности для выдвижения гипотез, сложную структуру сознания и необходимость новых наук для взаимопонимания человечества. Лейбниц первым обосновал технологии как часть общечеловеческого опыта и научил созерцанию сложных интеллектуальных процессов многие поколения философов. В сборнике представлены труды Лейбница, с которых лучше всего начинать изучение его философии.

УДК 122/129

ББК 87.3

© Марков А. В.,

вступительная статья, 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64079-4

Власть небывалой щедрости: складки и апологии Лейбница

Готфрид Вильгельм Лейбниц был, наверное, самым универсальным умом за всю историю Европы: один список наук, которыми он занимался, займёт десяток строк. Но Лейбниц был и главным воспитателем новой Европы — не в том лишь смысле, что училциальному мышлению, — он научил европейцев быть европейцами: не только следовать готовым образцам, но и создавать собственную классику. Писал он на общеевропейских языках, латыни и французском, при этом признан основателем немецкой классической философии.

Чтобы понять философское дело Лейбница, надо прежде всего сказать о научной ситуации XVII столетия. XVII век часто называют эпохой научной революции: наука превращается из области частных занятий в важнейший фак-

тор развития цивилизации. Она перестаёт быть тактически значимой эрудицией, наставлением правителям и мастерам, и становится основой работы больших государственных и экономических механизмов. Научное знание уже не предмет коллекционерской гордости или литературного вдохновения, но инструкция по запуску больших машин смысла, государств и сообществ нового типа, образец сотрудничества разных исследователей, все время проблематизирующих реальность и находящих самые удачные инструменты для ее совершенствования. В XVII в. действительно возникли независимые естественнонаучные общества, прежде всего открытое в 1660 г. Лондонское королевское общество с его «куратором» Гуком, появились первые научные журналы, а ученых стали объединять не столько университеты, сколько «республика писем» — свободный обмен идеями. Но если приглядеться к этой эпохе, то судьба науки окажется сложнее, чем мы предполагали на первый взгляд.

Когда французский учёный русского происхождения Александр Койре впервые заговорил

о научной революции, отчасти искупившей грехи Тридцатилетней войны, в наполовину разоренном кризисом между двумя мировыми войнами Париже, он имел в виду рационализм новой науки, который выступает не только как принцип исследования, но и как принцип организации. Учёный — это не только тот, кто умеет изобретать новые агрегаты или поражать современников неожиданными мыслями; это организатор лабораторий, исследовательских групп, создатель полностью обоснованных программ экспериментов. Но в схеме Койре есть одно упущение: нельзя организовать даже самую совершенную лабораторию, не заслужив прежде доверие современников. Мысль Койре слишком равнялась на науку в посленаполеоновской Франции, организованную волевым усилием сверху, и поэтому он не видел, что кроме организаторского таланта, время требовало от ученых щедрости, доброжелательности и настоящей праведности.

Научная революция была косвенно вызвана бурным расширением состава наук. Освоение новых континентов и новые формы поли-

тической жизни, такие как абсолютистская монархия, потребовали создания множества новых наук, никак не вписывавшихся в программы университетов средневекового типа. В университетах изучали теологию, философию, юриспруденцию и медицину, изучению этих важнейших наук предшествовал курс семи свободных искусств — и все. А в XVII в. появляются такие науки, например, как кофеведение, для изучения замечательного плода нового света, или камералистика, наука поведения при дворе монарха. Могли создаваться науки о приливах, о парусах, о жизни и повадках обезьян, о написании заголовков трактатов и о множестве невероятных по звучанию, но более чем вероятных по месту в новом жизненном мире предметов. Такая ситуация напоминает нашу недавнюю историю, когда новых наук — вроде менеджмента, маркетинга, рекламы или инноватики — в университетах стало не меньше, чем классических. Поэтому научная революция требовала не рационализма вообще, а умения щедро и разумно распорядиться достижениями этих многочислен-

ных новых наук, найти в каждой из них то зерно, которое будет способствовать общему прогрессу знания.

Лейбниц предназначался к нахождению и просчитыванию этих зёрен с самого своего рождения. Огромный математический ум, моделировавший любые процессы с любой степенью вторжения вероятности и отклонения от начального замысла, только и смог раскрыть, что могут сделать эти новые науки вместе. Они покажут, как срабатывают технические устройства и как они должны стать более точными, постоянно настаивая на верности измерений и попаданий. Математик, юрист, философ и эрудит в одном лице, Лейбниц властной рукой направил науки к неведомым им целям, чтобы они по пути раскрыли собственную власть над материей.

Лейбниц родился 1 июля 1646 г., его отец был профессором нравственной философии, и мать была из профессорской семьи. Наша культурная память сразу подсказывает нам образ интеллигента, выросшего среди книг — но этот образ скорее сбивает с толку, чем прояс-

няет дело. Интеллигент в российском понимании выстраивает свою биографию сам, черпая из книг все новое подкрепление своей жизненной позиции и вдохновляется на раскрытие ее как творческой; где интеллигент, там жизнетворчество. Интеллектуал, как Лейбниц, легко переходит от книг к наблюдениям, ему интересны не книги сами по себе, а тот опыт чтения, который создали его родители и который создаёт он сам. Он соревнуется с рекордами понимания, установленными родителями, и с немалым удовольствием добивается большего. Впечатляли его в детстве античные историки и поэты, но не столько призывающими к подвигам, сколько умением выстраивать масштабы событий, давать воодушевляющую картину происходящего, которую можно дополнить множеством новых текстов; и уже в детстве Лейбница сочинял латинские поэмы по праздничным поводам. Восторг перед действиями сменился восторженным созданием ситуаций.

В школьные годы он точно так же решил сочинить новые области логики: он определил,